

0-775911

На правах рукописи

Шукова Ольга Михайловна

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ ТЕКСТА
В «ИЗБОРНИКЕ 1076 ГОДА»**

10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Киров – 2009

Работа выполнена на кафедре русского языка ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Акимова Эльвира Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Лагузова Евгения Николаевна
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

кандидат филологических наук, ст. преподаватель
Абрамова Ирина Юрьевна
ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Мичуринский государственный педагогический институт»

Защита диссертации состоится 25 февраля 2009 года в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.041.04 при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет» по адресу: 610002 Киров, ул. Красноармейская, д. 26, ауд. 104.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет»

Автореферат разослан 22 » 01 2009 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000546191

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

К.С. Лицарева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению особенностей реализации категорий текста в «Изборнике 1076 года» на трёх уровнях – микротекстовом, макротекстовом, мегатекстовом.

Актуальность работы обуславливается нерешённостью в исторической рустике проблем лингвистики текста, неизученностью функционирования категорий текста в древнерусских памятниках письменности. Исследование репрезентации категорий целостности, завершённости, членимости, связности, ретроспекции и проспекции позволит выявить специфику средневекового мировоззрения, отраженного в образцовом тексте эпохи.

В свете антропоцентрического характера современной лингвистической научной парадигмы анализ особенностей реализации текстовых категорий в ранних древнерусских памятниках письменности требует нового осмысления. Особый интерес представляют для исследователей древнерусские сборники устойчивого / неустойчивого состава, например «Изборник Святослава 1073 года», «Изборник 1076 года», «Успенский сборник», «Пчела». В них наиболее ярко отражается такая характерная черта древнерусских памятников, как анфиладность (термин Д.С. Лихачева). Исследование рукописных и старопечатных сборников составляет предмет формирующейся отрасли медиевистики – мисцелланологии (термин Т.В. Черторицкой). Ученые-медиевисты рассматривают средневековые сборники как гипертекст – систему одновременно единства и множества текстов.

Что касается количественного и качественного состава текстовых категорий, то, признавая, что список категорий текста остается открытым, мы все же отметим категории, требующие первоочередного изучения как в синхроническом, так и (что особенно важно) диахроническом аспектах.

Речь идет, во-первых, о таких категориях текста, которые наиболее существенны для средневекового сознания, так как отражают языковую картину мира и определяют структуру и семантику средневековых сборников устойчивого / неустойчивого состава.

Во-вторых, особого внимания требуют те категории текста, реализация которых в древнерусских сборниках отличается от их реализации в современных письменных текстах, что позволяет выявить специфику средневекового сознания и особенности процесса отражения и познания средневекового мира в форме текстов.

К таким категориям мы относим категории целостности, завершённости, членимости, связности, проспекции и ретроспекции.

Вслед за рядом исследователей (Н.С. Ковалёв, Э.Н. Акимова) мы разграничиваем три текстовых уровня исследования – микротекстовый, макротекстовый и мегатекстовый, так как на каждом из них анализируемые категории текста будут иметь свои формы и способы реализации. Микротекст – это текст каждой отдельной статьи сборников устойчивого и неустойчивого состава безотносительно к другим статьям произведения; макротекст – текст всего

памятника; мегатекст – «обобщенное обозначение системы нормативных текстов эпохи (образцов)» [Ковалев 1997: 18].

Изучение категорий текста на трёх языковых уровнях представляется весьма своевременным, так как текстовый, а тем более мегатекстовый уровень исследования, связанный с вводом данного памятника в общее ментальное пространство эпохи, не были эксплицированы в лингвистических работах.

Все вышеизложенное позволяет считать актуальным обращение к комплексному анализу категорий текста в плане языковой диахронии.

Объектом анализа является «Изборник 1076 года» как совокупность статей-микротекстов, с одной стороны, и как часть единого мегатекста, с другой.

Предметом исследования с учётом трёх основных аспектов – формального, семантического и функционального – являются способы, средства и особенности выражения таких категорий текста, как целостность, завершённость, членимость, связность, проспекция и ретроспекция в том виде, как они представлены в «Изборнике 1076 года».

Цель работы – исследовать специфику реализации категорий целостности, завершённости, членимости, связности, проспекции / ретроспекции на трёх текстовых уровнях в «Изборнике 1076 года».

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих конкретных задач:

1) провести обзор научной литературы по теме исследования и проанализировать существующие в языкознании воззрения на проблемы, связанные с выделением и исследованием текстовых категорий в синхронии и диахронии;

2) выявить особенности реализации категорий целостности, завершённости, членимости, связности, проспекции и ретроспекции в «Изборнике 1076 года» на микротекстовом, макротекстовом и мегатекстовом уровнях;

3) описать языковые средства выражения и экстралингвистические принципы формирования указанных категорий в древнерусском сборнике;

4) провести классификацию микротекстов «Изборника 1076 года» на основе особенностей реализации в них исследуемых категорий.

Материалом и источником исследования послужил текст «Изборника 1076 года» – памятника древнерусской литературы, одной из древнейших рукописных книг.

В «Изборник» вошли «Слословец» Геннадия, константинопольского патриарха; «Слово некоего калугера о почитании книжном»; извлечения из сочинений византийских писателей Иоанна Златоуста, Нила Синайского, Афанасия Александрийского, Анастасия Синаита; фрагменты из житий Ксенофонта и Феодоры; Синклитики и ряд других фрагментов и статей.

В стилистическом отношении «Изборник 1076 года» отвечает уровню нравственной и языковой культуры Киевской Руси XI века. Основу жанрового содержания «Изборника» составляют изречения с нарочитым повторением одних и тех же назиданий с целью наставить своих читателей / слушателей на путь спасения.

Методология исследования построена на традиционных собственно-лингвистических методах системного изучения языка – описательном и сравнительном. Учитывается авторское осмысление проблемы в рамках исторического метода¹, что выражается в апробировании лингвокультурологического подхода к фактам языковой диахронии.

Изучаемая проблема является чрезвычайно сложной и многоаспектной, что делает необходимым применение к её изучению комплекса исследовательских приёмов. Их использование диктуется в каждом конкретном случае поставленной целью и задачами исследования. Это приёмы лингвистического наблюдения, сплошной выборки, систематизации и классификации, структурно-семантического и интерпретационного анализа, а также процедура выявления в тексте креативно значимой информации, впервые апробированная в работах Э.Н. Акимовой [Акимова 2002–2006].

Основным приёмом при определении значения синтаксических форм считаем тот, о котором писала Е.С. Истрина: «Вчитываться и вдумываться в исследуемую речь – этот приём следует признать основным при определении живого значения форм древнего письменного языка», несмотря на то, что «указанный приём ... может заключать в себе много субъективного. Однако субъективного элемента при определении значений явлений языка избежать нельзя, а из субъективных выводов разных исследователей создается, в результате, несомненно, и нечто объективное» [Истрина 1919: 7–8].

Исследование опирается на **рабочую гипотезу**, которая в ходе исследования получает обоснование конкретными фактами и полученными результатами. Её суть состоит в следующем. Поскольку мы под категориями текста понимаем функционально-семантические единицы, отражающие наиболее существенные признаки, свойства текста, то можно предположить, что в древнерусском тексте проявляются, эксплицитно или имплицитно, основные текстовые категории, выделяемые современными учеными, но степень их выражения может быть различной, а способы реализации специфичными.

Научная новизна работы состоит в обращении к актуальным проблемам исторической лингвистики текста. В исследовании **впервые**

1) комплексно описываются и анализируются текстовые категории в одном из наиболее ранних древнерусских памятников письменности;

2) ведётся исследование категорий текста на трех языковых уровнях с привлечением экстралингвистических факторов и оснований формирования данных категорий;

3) учитываются прагмалингвистический и лингвокультурологический подходы к фактам языковой диахронии, нечасто позиционирующиеся в современных работах по истории языка;

¹ «Этот метод требует от исследователя сопоставления сменяющих друг друга – в процессе развития – состояний структурных элементов языка, установления внутриязыковых и внеязыковых причин наблюдаемых изменений; он требует учёта многообразных и сложных связей изменяющихся явлений языка друг с другом и с разнообразными явлениями истории народа, его культуры, общественных отношений, сознания, государства и т.д.» [Головин 1973: 270].

4) выявляется специфика выражения изучаемых категорий по сравнению с их экспликацией в современном тексте;

5) делается попытка создать классификацию и типологию микротекстов «Изборника» на основании особенностей реализации категорий текста.

Теоретическое значение диссертации. Результаты исследования важны для разработки теоретических проблем исторической когнитивистики, диахронической лингвистики текста, исторической лингвокультурологии – то есть только начинающих развиваться отраслей исторического языкознания.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования её материалов в практике вузовского преподавания курса исторической грамматики русского языка, курса лингвистики текста, а также спецкурсов и спецсеминаров по проблемам истории русского языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Категории членимости, связности (включая ретроспекцию и проспекцию), завершённости и целостности текста, отражающие мировоззрение и мировосприятие средневекового русского человека в образцовом тексте эпохи, реализуются в «Изборнике 1076 года» с помощью языковых и экстралингвистических средств.

2. Категория членимости, в основе которой лежит членение объективной действительности на воспринимаемые человеческим сознанием отрезки, выражается в тексте «Изборника» на уровне микро- и макротекста. Способами реализации данной категории являются конкретные типы членения – объёмно-прагматическое членение на главы и абзацы, контекстно-вариативное вычленение авторской и прямой речи и, наконец, структурно-смысловое разграничение структурно-смысловых блоков.

3. Связность текста осуществляется на всех трёх языковых уровнях с помощью системы средств данных уровней. Средствами связи частей текста являются на уровне микротекста лексические, грамматические, коммуникативные единицы языка; на уровне макротекста – локутивный, иллюкутивный и перлокутивный компоненты категории прагматической направленности; на уровне мегатекста – цитаты, реминисценции и «языковые индексы» (термин И. Беллерт).

4. «Изборник 1076 года» является проспективной и одновременно ретроспективной частью единого мегатекста – это проявляется в ориентации содержания микротекстов «Изборника» как на прошлое (на Священное Писание и сочинения отцов Церкви), так и на будущее (на необходимое исполнение составляющих содержание наставлений как основное условие спасения человека).

5. Категории целостности и завершённости текста «Изборника» имеют двойную интерпретацию. На уровне микротекстов целостность текста реализуется на основе общности концептуального пространства, совокупности концептов, подчинения содержания текста его названию. Завершённость микротекстов «Изборника» основывается на исчерпанности основной темы текста, что формально отражено автором в условно обозначенных маркёрах конца. На уровне микро- и макротекста целостность осуществляется и

прагматическими компонентами – целью написания и объединения статей, намерением автора-составителя, ожидаемым результатом. Однако открытость содержания и незамкнутость границ средневекового текста определяет его абсолютную незавершённость как макротекста в совокупности микротекстов.

Основные положения и результаты диссертационного исследования были **апробированы** на научных конференциях в гг. Саранске (2006–2008), Казани (2007), Нижнем Новгороде (2007), Владимире (2007); изложены в десяти статьях, две из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных положений кандидатской диссертации.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертационная работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, Списка использованной литературы (172 наименования).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, формулируются цель и задачи исследования, определяются его объект и предмет, указываются методологические основы, методы и приёмы анализа материала, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, выдвигаются положения для защиты, дается характеристика источника исследования, сообщаются сведения об апробации работы, описывается структура диссертации.

В первой главе «**Вопросы теории текста в синхронии и диахронии**» рассматриваются проблемы теории текста в историческом и современном языкознании; освещается история разработки вопроса о категориях текста в отечественной лингвистике; обобщаются разрозненные по многим источниками сведения о тексте и категориях текста.

Текст как особый объект исследования имеет давнюю традицию изучения. Изначально это касалось сакральных текстов, играющих центральную роль во всех крупнейших религиях. Позже объектом изучения стали тексты других типов, в частности юридические и литературные. Текст как структура становится объектом специального интереса в конце XIX–XX вв. До этого времени различными дисциплинами изучались лишь отдельные аспекты текста, текст был только материалом для анализа, он рассматривался как среда, в которой функционируют различные языковые единицы.

Важнейшей задачей лингвистики текста является изучение и анализ текстовых категорий. Одни ученые под категориями текста понимают грамматические категории, выражающие определенные грамматические понятия (И.Р. Гальперин), другие разграничивают семантические и грамматические категории как отражающие разные стороны текста – содержание и структуру (Л.К. Чикина), третьи определяют категории текста как функционально-семантические (М.П. Ионич).

Мы считаем, что категории текста являются функционально-семантическими, отражают наиболее существенные и общие свойства текстов и выражаются с помощью языковых средств разных уровней.

Древнерусский текст привлекает внимание различных исследователей-лингвистов и литературоведов, анализирующих разные его аспекты. Однако, несмотря на большой интерес к древнерусским текстам в современном языкознании и литературоведении, остаются нерешенными многие проблемы, в частности, проблема изучения форм и способов реализации категорий текста в древнерусских памятниках письменности.

Историки языка отмечают, что в описании текста древнерусского периода, вероятно, нерелевантны некоторые признаки текста нашего времени, в том числе и признак тематического единства частей. Понимание современного текста как системы подтем, отражающих определенный фрагмент действительности, неприемлемо в исследовании текстов XI–XIII веков, так как в последних отсутствует разграничение тем: «общим предметом всех авторов является незримое в зримом мире» [Ковалев 1997: 48].

В исследованиях, посвященных изучению древнерусских текстов, описываются лишь отдельные текстовые категории. Список категорий остаётся открытым. На наш взгляд, первоочередного изучения требуют категории связности, целостности, завершенности, членности, проспекции, ретроспекции, поскольку анализ данных категорий позволит определить особенности содержательных и структурных свойств текста, а также выявить специфику средневекового сознания, отраженного в образцовом тексте эпохи.

Вторая глава «Реализация категории членности в «Изборнике 1076 года» посвящена анализу категории членности текста в «Изборнике 1076 года» Её исследование необходимо при интерпретации древнерусского текста, поскольку в основе данной категории лежит членение объективной действительности на воспринимаемые человеческим сознанием упорядоченные, своеобразно организованные отрезки. Анализ категории членности дает представление о мировоззрении средневекового русского человека.

Подробно исследуются типы членения текста на двух уровнях: на уровне макро- и микротекста, так как для характеристики данной категории на мегатекстовом уровне текст «Изборника» следует анализировать относительно других произведений древнерусской литературы, а это не входит в задачи диссертации.

Членность как категория, заключающаяся в выделении в тексте на одном основании структурных, формально выраженных однотипных частей, компонентов, реализуется в тексте «Изборника 1076 года» в объёмно-прагматическом, контекстно-вариативном и структурно-смысловом типах членения.

Объёмно-прагматическое членение «Изборника 1076 года» заключается в членении текста на 12 статей, некоторые из которых самим автором (составителем сборника) поделены на части. Основанием для такого деления служит либо предмет изложения, либо первоисточник, из которого составитель заимствовал изречения. Например, в статье в статье «Прѣмоудрѣсть нсоусова сына сирахова» выделяются своеобразные главы «О звании сильныхъ», «О

дързости», «Словеса притъчната», «О женахъ зълыхъ и добрыхъ», «О женѣ лоукавѣ», «О десатинѣ», «О золотолюбци», «О медоу», «О мъртвѣщихъ», «О чьсти родитѣль», «Прѣмоудрости похвала»), а в статье «Съборъ отъ мѣногъ отецъ и апостолъ и пророкъ...» собраны изречения святого Геннадия, Иоанна Златоуста, Нила Черноризца, апостола Павла и других.

Контекстно-вариативный тип членения в «Изборнике 1076 года» представлен речью автора. Основным функционально-смысловым типом речи в тексте является повествование с элементами рассуждения. В повествовательных частях текста памятника чаще всего используются глаголы, обозначающие конкретное действие (цѣлюи, поклани, накърмѣ, напои), деятельность органов чувств (виждь, видиши, послоушан, приниман), в том числе глаголы речи (рече, рекъ, глати), глаголы, называющие физическое и душевное состояние (възлюбн, поскърен, вонтъ са, поболи).

Чужая речь в исследуемом тексте репрезентируется пронизывающими текст многочисленными цитатами из сочинений отцов Церкви, а также большим количеством вопросно-ответных блоков, представленных в некоторых статьях «Изборника». Цитаты и прямая речь вводятся в текст «Изборника» с помощью глаголов речи: «глати къ воу...»; «Петръ во аполъ рекъ къ гоу...»; «аггль гнь рече къ немоу...».

Цитаты из Священного Писания и сочинений отцов Церкви в «Изборнике 1076 года» выполняют различные задачи. Прежде всего, в тексте «Изборника» реализуется основная функция библейских цитат – объяснение, толкование каких-либо положений, подтверждение важнейших мыслей автора (объяснительно-констатирующая функция)². Во-вторых, цитаты в тексте «Изборника» в некоторой степени «предсказывают» возможные будущие события и таким образом выполняют проспективно-прогнозирующую функцию. В-третьих, цитаты используются в лирически окрашенной речи автора или персонажа и выполняют эмоционально-экспрессивную функцию.

В тексте встречаются разные виды монологов и внутренних монологов: монологическая речь от имени предполагаемого адресата «Изборника», либо являющаяся риторической, либо обращенная к Богу; монологическая речь от имени автора статьи «Изборника»; монологическая речь от имени Бога.

Структурно-смысловое членение заключается в выделении в тексте определенных структурно-смысловых блоков, представляющих собой «относительно целостные в информативном отношении компоненты произведений с особой, как правило типовой, структурно-смысловой организацией» [Артеменко 1993: 60]. Отметим, что в основу структурно-смыслового членения могут быть положены разнообразные критерии: лексико-синтаксические средства связи, способ изложения информации, типы синтаксических конструкций, коммуникативная задача и т.д. Но главное, что объединяет высказывания в одно структурно-семантическое целое, – это

² Мы придерживаемся в своей работе классификации функций библейских цитат, разработанной Э.Н. Акимовой [Акимова 2006].

общность темы (микротемы). Недостаток подобного критерия заключается в том, что выделение ССБ в таком случае не лишено субъективизма: степень конкретизации темы может быть интерпретирована по-разному.

В ряде случаев ССБ выделяются и на основе общей структуры с учетом одной семантической направленности, то есть ССБ составляют однотипные, параллельные по структуре высказывания, объединенные только назидательно-дидактическим дискурсом.

Своеобразие блочного принципа построения «Изборника» заключается в том, что в некоторых случаях изречения-наставления, составляющие основу сборника, связываются друг с другом лишь единой прагматической направленностью и не соединяются в структурно-смысловое целое. Чаще всего такие наставления состоят из одного предложения, легко могут модифицироваться, переставляться в тексте по желанию автора или переписчика.

По характеру направленности семантического напряжения (к центру или от центра) в «Изборнике» представлены «центростремительные» и «центробежные» ССБ.

В центробежных (индуктивных) ССБ смысловым центром является первое предложение, а остальные раскрывают основную мысль.

Милостынею же купитъся црьствоу ѿжизнѣ милоутины же не въ велицѣмъ и мноуцѣмъ и малѣмъ даиши лежитъ нѣ по силѣ даюштааго и всѣмъ срѣцѣмъ Даиши во трѣвоуштинѣмъ то кѣмъ милостыни она влаженаа кѣ же вѣша пѣли съсоудѣи о нѣхъ ѿ дѣвъ моудрыхъ имѣ же црьство отъверзе сѣ нѣное (с. 186–187).

ССБ, в которых смысловой центр – это одно из последних предложений, являются центростремительными (дедуктивными).

Не въсоушти веселоватъсѣ въ мирѣ сѣмъ все во веселии свѣта сего: съ плачѣмъ кончаватъ сѣ и се шавѣ видѣти въ мирѣ сѣмъ въ дѣвоухъ соуспѣдѣхъ оу снѣхъ свѣтѣвоу творѣтъ а оу дробныхъ мрътвѣца плачють сѣ и тѣ же плачъ соуспѣтны днѣмъ плачють сѣ а оутро оупиватъ сѣ. Тѣмъ же разоушѣи соуштоу вѣка сего и скоро падоуштитюжъ плѣтъ нашия днѣмъ бо растѣмъ а оутро гниимъ (с. 168–170).

В «Изборнике» выделяются ССБ с цепной и параллельной связью. При цепной связи каждое последующее предложение связывается с предыдущим при помощи повторов разных видов (чаще всего используется чистый повтор или повтор однокоренных слов или форм слова):

Кротъкъ боудѣи кѣ всѣакомоу члѣвоу кѣ старѣишжоумоу тебе и кѣ меньшоумоу лицѣмѣрнаа во то кротость кже волишихъ оустѣдѣвъше сѣ а меньшаа озлѣовити Кротъко стоупаниа кротъко сѣдѣние кротъкъ възоръ кротъко слово всѣа си въ тебѣ да боудѣтъ отъ снѣхъ во истинныи хръстыанѣмъ шавиши сѣ Кротость же кѣмъ кже никомоу же не досажати ни въ словеси ни въ дѣлеси ни въ повелѣнии нѣ всѣакомоу члѣвоу норовѣи своимѣи осладити срѣце (с. 214–215).

ССБ с параллельной связью состоят из предложений, имеющих однотипное или близкое синтаксическое строение:

Горе хульникоу съважетъ бо са кмоу азыкъ и не мошти начынетъ къ соудни отвѣщати *Горе нечестивоумоу кгда бо вси просвѣтатъ са тогда онъ помрачитъ са злѣ* *Горе безаконникоу къ соудни бо ароу и правдиивоумоу придетъ* *Горе лихонницю богатство бо кго отвѣжитъ а огнь и принимаетъ* (с. 307).

В смешанных («кольцевых») ССБ первое и последнее предложение полностью или частично повторяются, а серединные предложения связаны цепной связью:

Зачало прѣмоудрости страхъ гнь страхъ гнь слава и похвала и веселик и вѣнць радости *Страхъ гнь възвеселитъ срдце и дастъ веселик и дѣлогодникъ* *Божашталоу са га благо боудеть на послѣдѣкъ и въ днь съкончанна своего благословенъ боудеть* *Въждедѣвъ прѣмоудрости съблюди заповѣдї и гъ дастъ ти ю: прѣмѣдрость бо и наказаник страхъ гнь и благословеник вѣра и кротость* (с. 311–313).

Кроме того, выделяются ССБ автосемантические, меньше обусловленные текстовым окружением, и синсемантические, имеющие общие с контекстом смысловые компоненты. В «Изборнике 1076 года» структурно-семантические блоки в основном автосемантические, то есть мало зависящие от других структурно-смысловых блоков. Такие блоки легко можно перемещать по тексту, добавлять, уточнять, изменять без ущерба для смысла целого текста.

Анализ видов членения «Изборника» позволяет провести классификацию его микротекстов по нескольким основаниям. Так, в зависимости от уровня реализации структурно-смыслового членения в микротексте выделяются следующие группы текстов:

1) тексты, структура которых состоит из последовательно или параллельно связанных структурно-смысловых блоков («Слово нѣкоко калоугера о чь книгъ», «Слово нѣкоко отца къ сыноу своему», «Івана златоустаго слово разоумни и пользыни отъ прочихъ кго доушепользнихъ оучении», «Свѣтыи Ѳеодоры», «Аданасиеви штвѣти противоу нанесенымъ кмоу отвѣтомъ шт некихъ правовѣрныхъ о различныхъ главизнахъ», «ІѲже оубо правовѣрноу вѣроу имѣти шнованниа добрыхъ дѣлъ ксть...», частично «Прѣмоудрость исоуса сына сирахова»). В подобных текстах предложения соединяются по семантическому и структурному признаку в структурно-смысловые блоки, ССБ соотносятся друг с другом и, соединяясь, создают общую структурную и семантическую картину статьи;

2) тексты, в которых почти или совсем отсутствует членение на структурно-смысловые блоки («Наказаник богатымъ», «Свѣтло василиа како подобакъ човекоу быти», «Наказаник ісѹхиа презвѣтера нерѹсалимьскаго», частично «Прѣмоудрость исоуса сына сирахова»). Подобные тексты представляют собой соединение отдельных предложений, содержащих наставления различного характера;

3) тексты, в которых деление на структурно-смысловые блоки соответствует объёмно-прагматическому членению («Съворъ отъ мѣногъ отецъ и апостолъ и пророкъ...», частично «Прѣмоудрость исоуса сына сирахова»).

В таких текстах наблюдается сочетание отрывков, цитат из разных источников. Каждая из частей этой главы представляет собой отдельный структурно-смысловой блок, и в то же время эти блоки имеют графическое отграничение, что выводит их уже на уровень объёмно-прагматического членения.

На основании объёмно-прагматического членения микротекстов «Изборника» все тексты можно поделить на две группы:

1) тексты, в которых при объёмно-прагматическом членении учитывается семантический критерий, происходит соединение двух типов членения («Съворъ отъ мѣногъ отецъ и апостолъ и пророкъ...», частично «Прѣмоудрость нсоусова сына сирахова»);

2) тексты, в которых объёмно-прагматическое членение реализуется лишь в отделении друг от друга абзацев, каждый из которых начинается с новой строки и заглавной буквы. К этой группе текстов относятся все остальные 10 статей «Изборника».

На основе принципа композиционного членения возможно выделение следующих групп текстов:

1) тексты с полным набором композиционных частей. В таких текстах есть введение, основная часть и заключение. Введением может быть как одно, так и несколько предложений, под заключением мы понимаем и вывод, итог статьи, и традиционную формулу окончания текста – обращение к Богу. В эту группу входят следующие статьи: «Слово нѣкокогъ отца къ сыноу своимоу», «Иже оуво правовѣрноу вѣроу имѣти уснованна добрыхъ дѣлъ ксть...», «Прѣмоудрость нсоусова сына сирахова», «Ивана златоустаго слово разоумни и пользыни отъ прочихъ ко доушепользнихъ оучении:», «Съворъ отъ мѣногъ отецъ и апостолъ и пророкъ...»;

2) тексты, в которых есть введение и основная часть, но нет заключения («Святыхъ Феодоры»);

3) тексты, в которых нет введения, но есть вывод или выделяется маркер конца, условно называемый заключением («Слово нѣкокогъ калоугера о чь книгъ», «Святго василиа како подобаетъ человеку быти», «Зенофонта кже глагола къ сынома своимъ», «Аданасиеви штвѣти противу нанесенымъ кмоу отъ вѣтомъ шт некихъ правовѣрныхъ о различныхъ главизнахъ»);

4) тексты, в которых композиционные части не выделяются («Наказании богатымъ», «Наказании Ісѹхиа презвѣтера иерусалимьскаго»).

Что касается контекстно-вариативного членения, то оно сходно в разных статьях «Изборника». Отличительным признаком в этом плане является соотношение слов автора и прямой речи и соотношение монологической и диалогической форм речи (мы имеем в виду не собственно диалог, а лишь его признаки в стадии формирования).

В третьей главе «Выражение категорий связности, проспекции и ретроспекции текста в «Изборнике 1076 года» описываются особенности реализации категорий связности, проспекции и ретроспекции на трёх текстовых уровнях.

В диахроническом аспекте категория связности считается наиболее изученной по сравнению с другими категориями текста. Однако большинство исследователей рассматривают связность на уровне отдельных предложений, в редких случаях выходя на микротекстовый уровень. Нами же предполагается исследование данной категории на трех текстовых уровнях – уровне микротекста, макротекста и мегатекста.

При анализе связности древнерусского текста немаловажно следующее обстоятельство: древнерусские тексты были предназначены в свое время не только для чтения, но и для слушания. Потенциальные слушатели были осведомлены в том укладе жизни, который характеризовал данную эпоху. Книжника и читателя объединяло единство мировоззрения, общие философские взгляды, принадлежность к общей культурно-исторической парадигме³, поэтому многое, касающееся содержательной стороны текста, подразумевалось само собой. С этим связана возможность непонимания текста или ощущения текста как несвязного со стороны реципиента, не относящегося к той же, что и автор, культурно-исторической эпохе.

Анализируя связность в «Изборнике 1076 года», следует учитывать и специфику структуры данного памятника, состоящего из более или менее крупных объединений письменных произведений устойчивого и неустойчивого состава. Именно сборники составляли ядро древнерусской литературы, являлись основной формой её существования, главным элементом её системы. Статьи включались в состав сборников без особой внешней мотивировки – это была особенность самой жанровой структуры произведения «анфиладного типа». Иногда в таких «смешанных сводах» тексты соединялись механически, без какого-либо намека на единство замысла; чаще, однако, «тексты составлялись с пониманием, и «швы», вставки, сокращения оказывались тогда знаковыми единицами нового, создаваемого ими стилистического единства» [Пиккио 2002: 56].

На уровне микротекста «Изборника» категорию связности мы рассматриваем с трех позиций – между комплексами блоков, между структурно-смысловыми блоками и между предложениями внутри ССБ.

В микротексте эксплицитные средства связи разнообразны: а) на лексическом уровне – разного рода повторы (*исти́нна, правда; ласка́юштинъхъ, приа́зникъ лѣце́мърною*); б) на грамматическом – союзы, частицы, соотносительность видо-временных форм глаголов-сказуемых. Чаще всего при связи предложений внутри структурно-смысловых блоков встречаются частицы *же, ео*, причём они могут либо выступать отдельно, в качестве основного средства связи, либо сочетаться с другими грамматическими средствами; в) на коммуникативном уровне – единое тема-рематическое членение, единая коммуникативная задача.

³ Под культурно-исторической парадигмой эпохи понимается «совокупность духовных, интеллектуальных и эстетических достижений эпохи, объединённых общей идеологической, то есть мировоззренческой основой. Идеологическая основа – господствующее мировоззрение эпохи, которое формирует в соответствии со своими основными понятиями духовную, интеллектуальную жизнь социума и эстетические установки в области культуры и искусства» [Клименко 1997: 5].

Чаще всего в «Изборнике» репрезентируется радиальный тип связности, то есть содержательно-структурные компоненты (как предложения внутри блоков, так и сами ССБ) обычно связываются не между собой, а «пучкообразно» с темой всего текста. Менее реализована связность линейного типа, при которой каждый последующий компонент текста соотносится непосредственно с предыдущим. При линейной связи структурно-содержательных единиц «Изборника» связность осуществляется на основе нескольких принципов. Во-первых, она выводится из принадлежности лексем текста к одному семантическому полю («*Нѡзѣ тихо стоупаюшти*»; «*Оуши оукланѡа отъ злѡслышѡннѡ*»; «*Роуцѣ съгъбенѣ имѣи*»). Во-вторых, связность создается на основе логических отношений между частями текста (условие, причина, следствие, уступка). Отметим, что связность на основе временных отношений не частотна в «Изборнике», поскольку назидательный, директивный характер высказываний предполагает их «вневременность» и передается глаголами в форме повелительного наклонения, которые не квалифицируются с точки зрения отнесенности к моменту речи. Подобное стремление к вневременности отчасти связано и с особым, отличным от современного, ощущением времени в мировоззрении средневекового человека и, соответственно, в передаче этого ощущения, или восприятия, в древнерусском тексте. «Изборник» изображает не временное, а вневременное, поскольку нравоучения, наставления, составляющие основу его содержания, находятся в так называемой эонической вечности. Призывая к исправлению, к праведной жизни, автор не имеет в виду каких-либо определенных представителей какого-то исторического периода, он обращается к людям всех эпох и народов.

В-третьих, связность строится на принципе рекуррентности (полный, частичный, антонимический, синонимический, образный, ассоциативный повторы). Особенно частотны в «Изборнике» антонимические повторы, поскольку принцип двойственности играет большую роль во всей древнерусской ментальности, проецируя на текст двойственность мировоззрения средневекового человека. Весь мир словно двоится между добром и злом, небесным и земным, материальным и нематериальным, телесным и духовным. Поэтому бинарность, двойственность имеет значение не простого формального приема – повтора, а противопоставления двух начал в мире. Таким образом, через противопоставление, через антитезу в тексте передается двойственное отношение к миру, его бинарное восприятие.

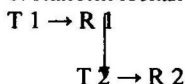
На грамматическом уровне функцию «отсылки» к ранее изложенному выполняют указательные местоимения, частицы «*же*», «*бо*», «*ли*».

Немаловажным средством связности текста является вопрос. Вопрос, поставленный в начале текста или структурно-смыслового блока, ориентирован на дальнейший ответ и двигает повествование вперед, побуждает автора к разворачиванию текста. Например, в статье «*Слово г҃ьѡког҃о отца къ сыноу своѡмоу*» выделяется три комплекса структурно-смысловых блоков, структура которых двучастна: вопрос – ответ. Каждый из этих комплексов начинается вопросами, ответ на которые является темой дальнейших наставлений автора.

Связность осуществляется и актуальным членением текста. В «Изборнике» выделяется несколько устойчивых разновидностей тема-рематических структур,

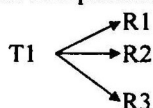
совокупность и последовательность которых способствуют реализации связности текста на коммуникативном уровне.

1. Каноническая ступенчатая тема-рематическая организация текста:

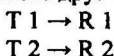
Оуиѣ свои присно отъ соукътъныхъ мыслии въстаган въспоуштан же къ гоу горѣ силь бо на стѣзю подвига въстоупакши ѡш же отъ раславленна свожажши⁴ (с. 245).

2. Тема-рематическая структура веерного типа с повторяющейся стабильной темой и разными ремами:

Страхъ гнь слава и похвала и веселки и вѣнцы радости Страхъ гнь възвеселить сердце и дать веселки и дѣлодѣи (с. 311).

3. Автономные тема-рематические текстовые структуры, которые внешне не зависят друг от друга, самостоятельны и минимально привязаны к контексту:

Не проси оу га вѣдѣства ни оу князя сѣдалища славна

Не оправдан себе прѣдъ бѣи и паче цѣри не прѣноудри си

Не съгрѣшан въ множество градоу ни низложи себе въ народѣ (с. 335–336).

На уровне макротекста связность реализуется при помощи компонентов категории прагматической направленности. Связующим звеном между различными текстами «Изборника» выступают прагматические факторы:

а) наличие единого автора – своеобразного проповедника, репрезентируемого через жанровые особенности текста;

б) наличие единого адресата, к которому направлены наставления «Изборника»;

в) наличие единой иллюкутивной составляющей (цель, намерение адресанта): все тексты представляют собой развернутые директивные высказывания, объединенные намерением автора «наставить» человека на праведный, спасительный путь;

г) наличие единой перлюкутивной составляющей, то есть одного ожидаемого эффекта: спасение человека в результате исполнения им всех перечисляемых в тексте наставлений.

На уровне мегатекста лингвистическая связность также приобретает экстралингвистические черты и отражает связи текста с действительностью, в которой представлена совокупность всех образцовых текстов эпохи. Средствами реализации связности на уровне мегатекста являются библейские цитаты и

⁴ Тема выделена подчеркиванием, рема – курсивом.

реминисценции, а также отражающие связь текста, текстовой информации и реальной действительности языковые индексы, т.е. «такие инструменты языка, функция которых состоит в указании на экстралингвистические «объекты», которые получатель должен идентифицировать в соответствии с «инструкцией», содержащейся в данном индексе, а также с ситуативным или языковым контекстом» [Беллерт 1978: 186].

Именно теория языковых индексов объясняет, почему нередко современным читателям кажутся нелогичными и неясными тексты других эпох. Правильная интерпретация древнерусских текстов иногда оказывается совершенно недоступной читателю нашей эпохи из-за отсутствия промежуточных звеньев, то есть незнания каких-либо фактов, относящихся к знанию о мире автора или составителя древнерусского текста, жившего много лет назад.

Тесно связаны с категорией связности текста проспекция как предвосхищение будущих событий, забегание вперед и ретроспекция как отсылка читателей к прошлой информации. Любой связный текст предполагает наличие имплицитно или эксплицитно выраженной ретроспекции, а эксплицитные средства выражения ретроспекции обуславливаются наличием языковых средств связности.

Ретроспекция в тексте проявляется двояко: 1) когда предшествующая информация уже была изложена в тексте; 2) когда предшествующая информация, необходимая для связи событий, сообщается, прерывая поступательное движение текста, то есть происходит перестановка временных планов повествования [Гальперин 1981: 106].

На уровне микротекста категория ретроспекции проявляется в основном имплицитно, она основывается на способности человеческой памяти удерживать ранее сообщенное и сцеплять его с сообщаемым в данном текстовом отрезке, например: «Послоушан ты жития **стааго васиана и стааго Іван залатоустааго и стааго кирила фїлософа и нѣхъ многоу стѣиныхъ** виждь како ти начатъкъ довернишь дѣломъ в поучение стѣиныхъ Да тѣмъ братия и снѣи поденгѣмъ на поутѣ жития ихъ и на дѣла ихъ».

Имплицитное выражение категории ретроспекции возможно только в тексте, в котором есть языковые средства выражения категории связности. Что касается эксплицитного выражения, то следует отметить, что ретроспективные языковые элементы здесь единичны и не представляют собой системы или закономерности. Лишь в некоторых случаях автор сознательно использует языковые формулы ретроспекции («и^{нѣ} яко же и преди рекохъ, конецъ же **всѣмъ** преже реченимъ»).

На уровне мегатекста категорию ретроспекции следует рассматривать особо. М.А. Саларов отмечает, что «каждый временной срез произведения как процесса самовоспроизводящегося и синтезируемого в актуальном тождестве объекта и субъекта неминусом объединяет: 1) уже осуществившееся, «выкристаллизовавшееся» и «затвердевшее» прошлое; 2) непосредственно переживаемое настоящее; 3) еще не осуществившееся, но уже антиципируемое

будущее» [Саларов 1974: 98]. В произведениях древнерусской литературы органически соединяется прошлое, настоящее и будущее, поэтому практически любой древнерусский текст в той или иной степени ретроспективен: в нем происходит обращение к событиям Священной истории. Ретроспекция связывает воедино три части времени. Именно в прошлом древнерусскому человеку видится истинное, сущее. Все события настоящего оцениваются с точки зрения Священного Писания. Всею, что происходит в современности, древнерусский автор стремится найти аналогию в прошедших событиях, в том числе характерам людей, их поступкам.

Категория ретроспекции на мегатекстовом уровне реализуется в «Изборнике 1076 года» прежде всего с помощью цитат и реминисценций из Ветхого и Нового Завета. Библейские цитаты – это точные выдержки из Ветхого и Нового завета, дословно приводимые слова библейских персонажей («*Рече господь: нго мое помазано есть и веремя мое льгко: чьто бо льгчае языка въздержати, чьто ли блаженнее довроухваления оуста носити, чьто же льгчае братоу не завидети*»). Под библейскими реминисценциями понимаются «языковые средства, представляющие собой различные по грамматической структуре сегменты текста, обязательной функцией которых является напоминание о Библии» [Андреева 1998: 11]. Библейские реминисценции чаще всего реализуются в тексте «Изборника» с помощью сравнительных конструкций:

Церкви божии зовоушти на молитву, остави дело земьное, кое любо, и иди на доушевьную пишту: съ тьштянемь акы Петръ Иоани къ грозоу.

Категория проспекции для древнерусского микротекста менее характерна и представлена в основном вопросительными конструкциями. На уровне макротекста «Изборника» категория проспекции не реализуется, что связано с отсутствием на данном уровне эксплицитно выраженных категорий связности и ретроспекции.

На уровне мегатекста «Изборник» носит проспективный характер, поскольку его содержание составляют директивные, большей частью религиозные, высказывания – наставления, просьбы, запреты, направленные в будущее и в то же время отражающие прошлое, то есть объединяющие три временных пласта. На мегатекстовом уровне проспекция как направленность на будущее и ретроспекция как направленность на прошлое находятся в неразделимом единстве, в котором главная роль отводится все же категории ретроспекции, поскольку и настоящее, и будущее оценивается в аспекте прошлого.

В четвертой главе «Репрезентация категорий целостности и завершенности текста в «Изборнике 1076 года» рассматриваются особенности реализации названных категорий в «Изборнике 1076 года», описываются языковые и внеязыковые средства их экспликации, классифицируются микротексты «Изборника» на основании структурной и семантической целостности и формальной / неформальной завершенности.

Целостность – категория текста, заключающаяся в единой системно-структурной организации текста, подчиненной авторскому замыслу. Завершённость текста – это исчерпанность имплицитно или эксплицитно выраженной содержательно-концептуальной информации (идеи произведения).

Целостность и завершённость как категории, отражающие и семантику, и структуру текста, необходимо рассматривать в единстве, поскольку они взаимосвязаны. Кроме того, анализ целостности и, соответственно, законченности произведения невозможен без выхода на уровень категорий информативности и концептуальности, так как тема и идея текста реализуются с помощью выделяемой в произведении содержательно-фактуальной (СФИ) и содержательно-концептуальной информации (СКИ).

Содержательно-фактуальная информация содержит сообщения о фактах, событиях, процессах, которые происходили, происходят и будут происходить в окружающем мире, действительном или воображаемом. СФИ всегда эксплицитна, все средства, оформляющие СФИ, доступны открытому наблюдению и восприятию.

Содержательно-концептуальная информация «сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами СФИ, понимание их причинно-следственных связей» [Гальперин 1981: 27–28].

Содержательно-концептуальная информация не всегда выражена с достаточной ясностью, она дает возможность разных толкований. СФИ является средством формирования СКИ, «свертывание СФИ приводит к формулировке темы произведения, свертывание СКИ – его идеи» [Кухаренко 1988: 76].

Третий слой информации в тексте – содержательно-подтекстовая информация – представляет собой скрытую информацию, извлекаемую из СФИ благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения.

На микротекстовом уровне целостность реализуется в «Изборнике» имплицитно и эксплицитно. Имплицитная реализация заключается в разного рода ассоциативных связях, благодаря которым читатель собирает воедино все части текста. Эксплицитные средства выражения целостности разнообразны: заглавие микротекста; средства семантической связи (разного рода повторы: синонимический, антонимический, ассоциативный); совокупность ключевых слов; единая структурная организация текста (например, выделение одинаковых по строению структурно-смысловых блоков или комплексов блоков). Завершённость текста как категория выражается в основном имплицитно и представляет собой исчерпанность темы произведения. Формальные средства выражения категории завершённости – это маркированность конца текста (чаще всего такими элементами являются обращения к Богу и слово «аминь»). Однако маркированность окончания текста применительно к исследуемому нами тексту в большой мере относительна и условна, поскольку подобные формулы конца могли прикрепляться искусственно при переписке текста.

Анализ категорий целостности и завершенности на микротекстовом уровне «Изборника» позволяет разграничить статьи памятника на целостные, целостно-дисперсные, нецелостные и комплексные.

Целостная структура текста предполагает подчиненность всех частей текста, всех его структурно-смысловых блоков теме текста и создается с помощью таких средств, как единый тип дискурса, единство темы (или цели написания текста), единство концептуальной и фактуальной информации, адресата, автора.

Дисперсная структура предполагает, что текст не является единым структурно-смысловым целым. По семантике все составляющие содержание структурно-смысловые блоки подчиняются теме нравственного наставления и относительно конкретизируются введением адресата текста, однако их легко можно модифицировать, перемещать, дополнять, вводить новые структурно-смысловые блоки без ущерба для смысла и без нарушения структуры текста.

В текстах с комплексной структурой (в «Изборнике» таковым является статья «Съворъ отъ мѣногъ отецъ и апостолъ и пророкъ...») нет других оснований для объединения частей текста в единое целое, кроме коммуникативного намерения автора-составителя, то есть экстралингвистического фактора. Комплексная структура предполагает, что текст состоит из частей, не связанных тематически, имеющих в своей основе различные источники и принадлежащих разным авторам, но объединяющихся в единый текст согласно намерению составителя.

Возникает вопрос, в чем разница понятий «комплексная структура» и «сборник», так как их определения сходны. Отличие их состоит в отнесенности к разным уровням текста. Понятие «комплексная структура» – это принадлежность микротекстового уровня, тогда как понятие «сборник» – принадлежность уровня макротекста. Если мы говорим о макротексте, то используем понятие «сборник» устойчивого или неустойчивого состава: «Изборник», «Пчела», «Успенский сборник» и т.д. Если мы говорим обо всех статьях, входящих в состав единого макротекста, то есть сборника, то используем понятие микротекст, и структура данных микротекстов может быть целостной, целостно-дисперсной и комплексной. Таким образом, рассматриваемый термин необходим для того, чтобы показать особенность структуры данного микротекста по сравнению с другими микротекстами.

На уровне микротекста по степени реализации категории целостности нами выделены тексты целостные, целостно-дисперсные и с комплексной структурой; по степени реализации категории завершенности мы выделяем завершенные и незавершенные тексты. Следует отметить, однако, что и в случае целостного и завершенного текста данные категории должны быть признаны относительными, а не абсолютными, так как существенное свойство древнерусской литературы и, соответственно, «Изборника» как части этой литературы – варьирование и наращение смысла. Если современный текст – это нечто застывшее, это готовый продукт, который невозможно модифицировать и изменять, то текст древнерусский находится в постоянном процессе модификации, дополнения, исправления.

Отметим, что относительная экспликация категорий целостности и завершенности способствуют формированию и репрезентации в микротексте категорий гипертекстуальности и дисперсности, которые реализуются во всех 12 статьях «Изборника», но наиболее четко – в целостно-дисперсных и нецелостных текстах. Под гипертекстуальностью понимается представление информации в виде связанной системы фрагментов, которая предполагает нелинейное прочтение [Курзина 2004: 95], то есть гипертекст – это система, иерархия текстов, являющаяся одновременно их единством и множеством.

Дисперсность предполагает, что текст не имеет четко выраженной основы, его можно читать начиная с любого места, а блоки можно переставлять, изменять их положение в тексте без ущерба для его смысла и структуры. Однако дисперсность структуры не исключает единения частей внутри текста на тематическом, прагматическом или идейном основаниях.

Конечно, говоря об гипертекстуальности древнерусского текста, мы имеем в виду не абсолютную гипертекстуальность, характерную для электронных современных гипертекстов, а потенциальную возможность нелинейного прочтения. Текст «Изборника» выстроен линейно, но разбит на фрагменты таким образом, что дает нам возможность читать их в любом порядке без нарушения авторского замысла. Отметим двойной характер гипертекстуальности микротекстов «Изборника» – внутритекстовая гипертекстуальность (в тексте содержатся своеобразные ссылки к фрагментам данного текста) и межтекстовая гипертекстуальность (наличие семантических связей и отсылок к другим текстам, не входящим в состав «Изборника»).

На макротекстовом уровне целостность содержания «Изборника 1076 года» определяется лишь замыслом его составителя, объединённостью всех частей текста интенцией нравственного поучения, то есть создаётся скорее жанром и прагматической направленностью, чем тематическим единством частей. Отсутствие единой целостной структуры «Изборника» сказывается и на экспликации категории завершенности, которая остается нереализованной, в чем проявляется особенность произведения анфиладного типа.

Завершённость любого анфиладного произведения носит противоречивый характер. С одной стороны, абсолютной законченности в древнерусском сборнике быть не может, так как это не статичное, а динамичное явление, постоянно действующий процесс, объект непрерывных наслоений. Даже сам составитель сборника призывает следующих переписчиков исправить то, что им покажется неясным, «кривым», он осознает, что произведение будет жить и дальше, причем не пассивно, как объект для чтения, а активно – дополняясь и модифицируясь. Отсюда принципиальная, абсолютная незаконченность текста; текст не просто не завершён, но никогда не будет завершён; его содержание и структура всегда останутся открытыми. С другой стороны (здесь мы выходим на уровень мегатекста), вся содержащаяся в тексте информация не является абсолютно новой, более того, ничего нового авторы добавить не могут и не смогут, все наставления и нравоучения уже давно определены, и дальнейшая судьба текста связана лишь с повторением всем известных вечных истин. В этом определении вечных неизменных истин «Изборник» представляет собой часть

единого мегатекста, некий элемент мозаики, без которого общая картина была бы неполной.

На уровне мегатекста любое произведение должно исследоваться в контексте реальной действительности. Известно, что отношение литературы к исторической действительности может быть непосредственным и опосредованным (то есть условным). В опосредованном отражении действительности в литературе доминирует сознательная трансформация действительности в условные формы её отражения. В непосредственном отражении действительности преобладает «невольное» перенесение отдельных фактов и элементов действительности в литературу [Лихачев, 1987: 94]. Соответственно, все части единого мегатекста можно разделить на тексты, в которых превалирует непосредственное отражение реальности, и те, в которых это отражение условное, опосредованное творческой волей. Но эти виды текстов не противопоставлены друг другу, а взаимодополняются, они необходимы друг другу, так как только вместе создают целостную картину. «Изборник» представляет собой часть единого мегатекста, в котором отражение действительности опосредованно, символично, условно и, в отличие от тех текстов, где доминирует «суетное», «временное», изменяющееся, основное внимание в нём обращено на неизменяемые истины. В этом плане «Изборник» является целостной и завершённой частью единого мегатекста. По отношению к общей мегатеме древнерусской литературы («отражение действительности»), «Изборник» как часть мегатекста раскрывает один из тематических узлов данной мегатемы – тему вечных истин, реализующуюся в формуле *«показать вечное в суетном мире»* («незримое в зримом мире»).

В **Заключении** дается обобщение результатов проведённого исследования и намечаются его перспективы.

Универсальные категории текста – членимость, связность, проспекция, ретроспекция, завершённость и целостность – репрезентируются в «Изборнике 1076 года» прежде всего на уровне микротекста. На уровне мегатекста анализируемые категории являются отражением мировоззрения древнерусского книжника и вводят текст в общее ментальное пространство эпохи. На уровне макротекста одни из исследуемых категорий не проявляются (категории проспекции, ретроспекции), другие (категория связности) приобретают экстралингвистические черты и реализуются с помощью прагматических факторов. Категории целостности и завершенности получают на уровне макротекста неоднозначную трактовку, их выражение специфично. О категории членимости на уровне макротекста следует говорить в связи с объёмно-прагматическим члениением, тогда как структурно-смысловой и контекстно-вариативный типы члениения осуществляются на уровне микротекста.

Предпринятое исследование, в котором на основе современной теории текста изучен древнерусский материал, имеет перспективу своего развития в плане аналогичного анализа других оригинальных литературных текстов, созданных на восточнославянской территории, отразивших исторические и этико-эстетические реалии эпохи, принадлежащих к древнерусской литературе и отвечающих критериям достоинства, традиционности и учительности.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, входящих в список ВАК РФ.

1. Шукова, О.М. Особенности реализации категорий текста в «Изборнике 1076 года» / О.М. Шукова // Вестник Поморского университета. – 2008. – № 5. – С. 135–138. (0,4 п.л.)

2. Шукова, О.М. Специфика выражения категорий целостности и завершённости в «Изборнике 1076 года» / О.М. Шукова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 2. – С. 135–137. (0,4 п.л.)

Статьи в сборниках научных трудов и материалы докладов на научных конференциях.

3. Шукова, О.М. Семантическая связность текста в «Изборнике 1076 года» / О.М. Шукова // Семантика. Функционирование. Текст: межвуз. сб. научн. трудов. – Киров: Изд-во ВятГУ, 2006. – С. 283–287. (0,3 п.л.)

4. Шукова, О.М. Экспликация категории связности текста в «Изборнике Святослава 1076 года» / О.М. Шукова // Материалы докладов XI научной конф. молодых ученых филологического факультета Мордовского государственного университета имени Н.П.Огарева. – Саранск: Изд-во МордГУ, 2006. – С. 173–175. (0,3 п.л.)

5. Шукова, О.М. Лексические средства выражения внутрисинтаксической модальности в «Изборнике Святослава 1076 года» / О.М. Шукова // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы седьмой международной конф. – Владимир: ВПГУ, 2007. – С. 370–373. (0,3 п.л.)

6. Шукова, О.М. Категории текста в языковой диахронии / О.М. Шукова // Материалы XII научн. конф. молодых ученых филологического факультета Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева. – Саранск: Изд-во МордГУ, 2007. – С. 219–221. (0,3 п.л.)

7. Шукова, О.М. Категория членимости в «Изборнике 1076 года» / О.М. Шукова // Материалы XII научн. конф. молодых ученых филологического факультета Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева. – Саранск: Изд-во МордГУ, 2007. – С. 222–225. (0,4 п.л.)

8. Шукова, О.М. Фактор адресата в «Изборнике 1076 года» / Шукова О.М. // В.А.Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научн. конф. (Казань, 4–7 мая 2007 г.). Т.1. – Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 200–202. (0,3 п.л.)

9. Шукова, О.М. Контекстно-вариативное членение «Изборника 1076 года» / О.М. Шукова // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы Всероссийской научн. конф. – Саранск: Изд-во МордГУ, 2008. – С. 152–156. (0,4 п.л.)

10. Шукова, О.М. Категория ретроспекции в «Изборнике 1076 года» / О.М. Шукова // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Международной научн. конф. РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. – С. 491–494. (0,4 п.л.)

Подписано в печать 12.01.2009 г.

Формат 60×84/16.

Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 1,4.

Тираж 100 экз.

Заказ № 1081.

Издательство Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674

10 -